SECTION XXII. PHILOLOGY AND LITERATURE STUDIES

Багироков Х.З., Хейшхо Ф.И., Кахужева З.К.

Некоторые особенности адыгейско-русской интерференции субординативного типа

Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)

doi 10.18411/gq-31-03-2021-55

idsp sciencerussia-31-03-2021-55

Аннотация

В условиях адыгейско-русского контактного билингвизма, требуют исследования характеристики, вербализирующие кодовую систему русской речи, т. е. русскую речь адыгейцев в социолингвистических условиях языковых контактов. Научно-теоретическая значимость работы заключается в выявлении объема и статуса интерферем, функционирующих в речи, выполняющих коммуникативную функцию. Актуальность статьи обусловлена важностью изучения деятельности билингвальной личности в условиях языковых контактов. Практическая ценность работы в репрезентации фонетико-фонологических основ, реализуемой в русской устной и письменной речи адыгейцев для повышения речевой культуры. Поставленные задачи определили методы: описательный, идентификационного анализа фонем контактирующих языков.

Ключевые слова: интерференция, языковые контакты, билингвизм, интерферема, социолингвистика, координативный, субординативный, коммуникация, гласные, согласные, недодифференциация.

Существующая в современном адыгейском языкознании типология интерференции исходит из того, что билингв владеет системой родного языка, а второй язык используется в зависимости от «знаний и умений» строить высказывания на втором языке. Координативное двуязычие определяется как «продуктивный билингвизм, обеспечивающий порождение правильной речи, т.е. речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе», а субординативным считается речь если «в речевых произведениях, порождаемых на его основе, устанавливается нарушение языковой системы, т.е. если же речевые произведения оказываются неправильными» [1, 22]. Признание нами различных уровней владения вторым языком, наличие переходных форм интерференции квалифицирует русскую речь адыгейцев (РРА) на основе лингвистических дифференциальных признаков. Единицей измерения различных степеней интерференции является интерферема: простая, сложная, разноуровневая, синкретичная и множественная (по Хашимову, 1986). Мы придерживаемся определения понятия интерференция Д. Н. Ярцева, приводимого в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении родного языка: выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [2, 685]. Природа функционирования интерференции обусловлена различными причинами: 1) интерференция, обусловленная отсутствием в родном языке фонем и грамматических категорий русского языка; 2) интерференция, обусловленная частичным расхождением одной и той же грамматической категории, звуковой и лексико-семантической систем обоих языков; 3) интерференция, обусловленная влиянием грамматических категорий и фонем родного языка, отсутствующих в русском языке; 4) интерференция, обусловленная наличием

вариантных способов реализации одних и тех же лексических значений, фонем, грамматических значений и категорий русского языка [3, 316]. В языковом сознании процесс количественного накопления материальных средств русского языка достигает достаточного для речепроизводства уровня, и билингв начинает использовать русский язык в коммуникативной функции. Несложные, простые умения и навыки в создании речевых произведений на русском языке находятся под непосредственным влиянием всей системы родного языка и речи. Реализация структурных и материальных средств системы русского языка является процессом сознательного и бессознательного сопоставления, установление тождества слов и их семантики. В языковом сознании билингва идёт постоянный процесс сопоставления и осмысления фонем контактирующих языков, поэтому максимальная интерференция проявляется на всех уровнях речи, что приводит к отклонениям от норм русского словоупотребления, которые становятся коммуникативно-значимыми и искажают смысл высказывания. Интерференция в области произношения гласных характеризуется следующими особенностями: 1) русские гласные [о], [а], [э] в безударном положении нередко произносятся без редукции: коло[кол], пе[п'э]л, [хоро]шо и др.; 2) гласные [а] и [э] в адыгейском языке четко разграничиваются, а в РРА [а], находящееся в предударном и заударном положениях, часто звучит как краткое [э]: [нэ]чальник, [учэ]стковый, ата[кэ] и др.; 3) гласные [о] и [э] в адыгейском языке четко разграничиваются: [о] - дифтонг, состоящий из [у+э]. Но [о] в предударном и заударном положениях в РРА произносится как адыгейское [э] вместо редуцированных [а] и [ъ]: [вэ]да, [х'ра]шо, [кэ]нтора, [втэ]рой и т. д. Эти нарушения норм русского литературного языка объясняются отсутствием редукции гласных в адыгейском языке и восприятием русских гласных в безударном положении как кратких адыгейских гласных. Отсутствие редукции гласных частично поддерживается и орфографией; 4) звуки [и] и [ы] разграничиваются в адыгейском языке, хотя один из них и носит дифтонгический характер [и]=[й]+[ы]. В РРА смешение их весьма характерно: [м'и], [в'и]л, [б'ил], а[д'и]геец, п[ры]знак, п[ры]звал, п[ры]вычка вместо [мы]л, [вы]л, [бы]л, а[ды]геец, п[р'и]знак, п[р'и]звал, п[р'и]вычка и т.д. Смешение звуков нейтрализуется общим смыслом речи, сочетаемостью слов, количеством слогов и другими факторами: Мой папа [б'ил] в Чечне. Смешение в восприятии и воспроизведении [и] и [ы] в речи, как свидетельствуют наблюдения, частотно после сонорных [р], [м], [н], [л], после губно-зубного звука [в] и губно-губных шумных [б] и [п], характерен на начальном этапе в адыгоязычных районах республики и речи старшего поколения. Смешение звуков [и] и [ы] следует объяснить тем, что в адыгейском языке [и], [ы] близки по своему звучанию, и оба они могут появляться после латеральных согласных мэ[лы] (овца), сто[л'и]т1у (два стола), [л'ы]нтфэ (жила), твердых чэ[мы] (корова), позиционного [хи]л'хьагь (вложил) и т.д. В русском языке [и] может оказаться только после мягких согласных, а [ы] – после твердых. Релевантность отклонений проявляется в одно-, дву-, многосложных лексемах и нейтрализуется не только качеством и количеством звуковых единиц, но и словесным ударением, а в коммуникативных единицах – в сочетаемости данной единицы с другими словами, обусловленные наличием интонации, фразового и логического ударения; 5) наблюдается смешение [и] и [й] как в устной, так и в письменной речи: [най]зусть, хозя[ин], комба[ин], вместо [най]зусть, хозя[йн], комба[йн]. Источником интерференции является фонетическая особенность адыгейского языка, как отсутствие в нем чистого звука [и]: адыгейский дифтонг [и] состоит из среднеязычного [й]+ и гласного [ы], поэтому [и] заменяется привычным в родной речи чистым звуком [й]. Поскольку для адыгейского языка не характерны стечения согласных в начале слова (если и появляется такое сочетание, то преимущественно на стыке морфем), то подобные сочетания являются потенциальным полем интерференции. Данной фонетической особенностью родного языка объясняется появление редуцированных гласных [ы] и [и] между согласными: ч[и]тение,

п[и]реседатель, ж[и]знъ, п[и]рода и т.д.; 6) в адыгейском языке наблюдается тенденция не произносить конечные неударные гласные: атакъэ (петух) – атакъ_ и т. д. Адыгейцы в русской речи часто «скрадывают», «проглатывают» конечные безударные гласные и в русских словах: парта – парт_, карта – карт_, полотенце – полотенц_ и др.; 7) для адыгейского языка характерно наличие в начале слова твердого ларингального согласного [1]. По аналогии с этим в русской речи адыгейцев перед гласными появляется ларингальный приступ [1]: аудитория-[1а]удитория, армия-[1а]рмия, отчет-[1э]тчет и т. д. Для исконно адыгейских слов не характерно стечение двух гласных. По этой причине в русских словах, в которых имеется стечение двух гласных, в произношении между двумя гласными появляется ларингальный [1]: наобум-на[1а]бум, наугад-на[1у]гад и т. д. Частотность последней разновидности фонетической интерференции реже в настоящее время.

Специфичным в РРА является произношение гласных после мягких согласных, обозначаемых на письме [я], [ю], [ё]. В сочетании «мягкий согласный + гласный переднего ряда» наблюдаются три тенденции: 1) предшествующие согласные не приобретают мягкости, при произнесении слов типа пять, мять, салют, лёд и др. в РРА звучит [пат], [мат], [салут], [лод] вместо [п' ат'], [м' ат'], [с^ л'ут], [л'от]; 2) гласные в данной позиции разлагаются на два звука «й + соответствующий гласный»: [п'йа]т, [м'йа]т, са[л'йу]т, [л'йо]д; 3) между мягким согласным и гласным появляется краткий призвук, редуцированный гласный переднего ряда средневерхнего подъема: [п'ьйат], [м'ьйат], са[л'ьйут], [л'ьй]од. Третья тенденция имеет место, когда гласные находятся под ударением, связана не с произношением самих гласных, а с практикой преподавания фонетики русского языка в национальной школе. Интерференция обусловлена тем, что в родном языке буквы гласные я, ю, ё – символы двух или трех звуков: согласного (йот) и соответствующего гласного звука, в школьном преподавании практикуется изолированное изучение русских звуков и букв, которое, по мнению некоторых исследователей, «создает благоприятные условия для концентрации внимания учащихся на артикуляционных особенностях и акустическом образе усваиваемого звука» [4, 3-12]. Итак, йотированное произнесение гласных свойственно на начальной ступени адыгейско-русского двуязычия респондентами адыгоязычных районов и представителями старшего поколения. На наш взгляд, при изучении йотированных букв необходимо исходить из их двоякой функции в русских словах. Одна из функций букв свойственна родному и русскому языку в особых положениях – это графическое обозначение звука «(j) и соответствующего гласного», а вторая функция – «функция обозначения мягкости предшествующей согласной» – составляет специфику только русской речи.

Следует отметить, что функционирование согласных в РРА обусловлено влиянием консонантизма родного языка, его парадигматических и синтагматических свойств. «Поле» интерференции при реализации русских согласных определяется наличием в системе консонантизма русского языка корреляции согласных по признаку твердости-мягкости, поскольку подобная корреляция в родном языке адыгейцев отсутствует. В РРА отклонения от норм русской орфографии в области твердых согласных практически не ощущаются на слух (кроме всегда твердых ж, ш, ц русского языка), то недодифференциация согласных по признаку мягкости ведет к явной интерференции. Так, без должной мягкости адыгейцы произносят согласные перед гласными переднего ряда, гласными [а], [у], [о] обозначаемыми на письме буквами я, ю, ё в конце слова и мягкими согласными: а) перед гласными переднего ряда: [дэн] [дйэн, дьйэн], [дэрэво] [дйэрэво, дьйэрэво, дйэрьво, дьйэрьво], [снэг] вместо [д'эн'], [д'эр'вь'], [с'н'эк]; б) перед гласными, обозначаемыми буквами ю, ё, я: [луди] [лйуди, лйуди], [лон] [лйон, лйон], [пат] [пйат, пйат], [рад] [рйад, рйад] вместо [л'уд'и], [л'йон] [п'ат'], [р'ат']; в) перед мягкими согласными: звэр (звйэр, звйэр), смэна вместо [з'в'эр'], [с'м'энь]; г) в конце слова: писат, сад [сйад, сйад], садис вместо [с'ат'], [с^ д'ис'],

[п'исат']. Отсутствие в родном языке фонологичности признака «твердость-мягкость» приводит к тому, что адыгейцы в русской речи сближают фонемы русского языка [р] и [р'], [л] и [л'], [н] и [н'], [м] и [м'], [б] и [б'] и т.д. с соответствующими согласными родного языка, считая их эквивалентами, поскольку место и способ образования данных согласных по основным показателям совпадают. Недодифференциация согласных по твердости в РРА менее заметна, она не ведет к сильной интерференции. В произнесении русских гласных не так заметен акцент, но в произношении согласных и их сочетаний двуязычные адыгейцы встречаются со многими трудностями, что объясняется существенными различиями контактирующих языков.

Отметим что, всегда твердые русские согласные *ш, ж, ц* в РРА перед гласными переднего ряда всегда звучат мягче, чем в русском литературном произношении: [старш'ина, ш'ина, ш'инэль, маш'ина, ж'изнь и ж'изин, ж'ил, ш'эптал, ж'эна, революц'ия, агитац'ия] вместо [стършыена], [шынь], [шын'эл'], [м^шынь], [жыз'н'], [жыл], [шыептал], [жыена] и др. Кроме того, профессор З.У. Блягоз отмечает: «...на адыгейском литературном языке разговаривают адыгейцы – представители разных диалектов (абадзехского, бжедугского, темиргоевского, шапсугского) и кабардинцы, живущие в аулах Кошехабле, Блечепсине, Ходзе, Уляпе. Эта диалектная разнородность людей, говорящих на адыгейском языке, находит свое отражение в русской речи учащихся. Так, многие учащиеся шапсуги, кабардинцы произносят [ш] как звук, обозначающий [щ], звук [ж] как [ж'] [ш'и]нэль, молоде[ж'] и т.д. Кроме того, на мягкое произношение шипящих влияет орфография» [5, 52]. По нашему мнению, влияет не столько на орфографию, сколько на орфографическую грамотность учащихся. Часто в РРА смешиваются звуки [л] и [л'], так как в родном языке адыгейцев [л] имеет иную артикуляцию, чем русское [л] и [л']. Поэтому, вместо твердого [л] адыгеец произносит мягкий [л'] и наоборот: Я хоте[л'] сказа[т]; Этот ма[л]чик - си[л]ный. [л] и [л'] звучат в РРА, как звонкий латеральный адыгейский спирант [л'], или как глухой латеральный спирант [лъ]. Латеральный звонкий адыгейский [л], заменяется между гласными: го[л']ова, во[л']я; в начале слова: [л']итература, [л']итр, [л']агерь, [л']езвие; перед звонкими согласными: сто[л']бы, ко[л']ба, со[л']дат; в конце слова: по[л'], кана[л']. Глухой латеральный спирант родного языка [лъ] заменяет латеральные сонанты [л] - [л'] перед глухими и за глухими: по[лъ]ка, бу[лъ]ка, ска[лъ]п, с[лъ]ой, ф[лъ]аг, а[лъ]фавит и т.д.

Рассмотрим несколько наиболее часто встречающихся интерферентных явлений в РРА в области консонантизма начального этапа двуязычия: 1) одним из устойчивых типов фонетической интерференции в РРА считается отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными. Происходит потому, что, хотя, в адыгейском языке имеются звонкие и глухие согласные, как правило, не оглушаются звонкие согласные в конце слова: Дедушкин сад красив весной; Классом получен наказ; Мальчики пошли вперед; 2) в адыгейском языке отсутствует знак губно-губного звонкого спиранта [в]. Употребляется в заимствованиях из русского языка: завод, винчестер, винт, вагон, товар, Валя и т.д. В связи с этим в РРА заменяется глухим звуком [ф] или неслоговым [у]. Замена звука неслоговым [у] в РРА поддерживается особенностью южнорусского говора, представители которого вместо [в] произносят [у]: [у] комнате вм. в комнате, на за[уэ]де вм. на заводе и т.д.: Меня всегда радуют т[ф]ои успехи; Мне да[у]но т[ф]ердят об этом; Надо было т[ф]ерже сказать ему; [Уо]зьми молоток и отнеси дедушке. Звук [в] заменяется звуком [ф], когда стоит после глухих согласных и перед гласными. Замена звука [в] неслоговым адыгейским звуком [у] характерна на начальном этапе двуязычия. Этот фонетический недочет часто появляется в РРА старшего поколения. В РРА старшего поколения фонема [в] может заменяться, кроме названных, фонемами: [м]/ро[м]но вместо ровно, [п]/со[п]сем вместо совсем, [л]/с[л]ободный вместо свободный; 3) под влиянием южнорусского говора [б,

26-28] и в связи с отсутствием в адыгейском языке мягкого [p'] в РРА наблюдается твердое произношение сонорного [p]: п[ры]казывать, п[ры]веду, п[ры]ходить, пе[рэ]ход и т. д.; 4) в РРА старшего поколения взрывное [г] заменяется фрикативным [y] : [y]ород, ма[y]азин, бума[y]а; 5) в РРА обнаружена любопытная закономерность появления разновидности фонетической интерференции. Суть ее заключается в следующем: под влиянием произношения соседствующих твердых согласных мягкие согласные, встречающиеся в слове, тоже произносятся билингвами твердо. И, как правило, твердо произносятся те мягкие согласные, которые предшествуют твердым: уве[рэнн]ый, разгова[рывает'], де[ван]осто, те[рыт]ория, пе[рэг]оворы, от[нэс]ла и др.; 6) под влиянием русской орфографии в РРА наблюдается отсутствие озвончения глухих согласных перед звонкими, т. е. произносятся глухие согласные в соответствии с написанием: про[с'б]а, ко[с'б]а, [сд]ача, [сд]елать, моло[т'б]а, фу[тб]ол, о[тз]ыв вместо про[з'б]а, ко[з'б]а, [зд]ача, [зд]елать, моло[д'б]а, фу[дб]ол, о[дз]ыв и т. д.; 7) «буквочтение» в произношении сочетаний согласных звуков является одним из устойчивых и типичных фонетических отклонений в РРА: сш/бе[сш]умно, вы[сш]ий, ра[сш]ирить; зш/ни[зш]ий, замер[зш]ий, ве[зш]ий; сч/подпи[сч]ик, разно[сч]ик, подно[сч]ик; зч/изво[зч]ик, зака[зч]ик, прика[зч]ик; здч/боро[здч]атый; жч/му[жч]ина, перебе[жч]ик; стч же[стч]е, хле[стч]е в.м. орфоэпического [жош'ь],[хл'эшь]; зж/бе[зж]алостный, и[зж]арил, и[зж]ога; тс/встречае[тс]я, несе[тс]я, бои[тс]я, проси[тс]я; дс/заво[дс]кой, слобо[дс]кой, горо[дс]кой; тьс/встреча[тьс]я, боя[тьс]я, заня[тьс]я, взя[тьс]я; тц/о[тц]а, бра[тц]а, си[тц]а; дц/одина[дц]ать, шестна[дц]ать, два[дц]ать, три[дц]ать, трина[дц]ать и др. [7, 229-238]. «Буквенное» произношение характерно для РРА и в сочетании звуков: зд/по[зд]ний, пра[зд]ный, пра[зд]ник); лн/со[лн]це, со[лн]цепек; ст/че[ст]ный, ше[ст]надцать, у[ст]ный, изве[ст]ный, радо[ст]ный; чт/[чт]о, [чт]обы, [чт]о-то; чн/коне[чн]о, наро[чн]о и т.д.; 8) раздельное произношение служебных и знаменательных слов, ведущее к нарушению правил позиционных изменений звуков, является одним из типичных орфоэпических отклонений: [в] борьбе, [в] классе, [в] парте, [в] ходе, [в] среде, [с] горы, [из] искры, [из] воды, [под] сводом и т. д.; 9) сочетание дж, дз в РРА нередко заменяется среднетвердонебной звонкой шипящей аффрикатой дж и зубной, звонкой свистящей аффрикатой дз: [дж]акузи, [дж]унгли, [дж]аз, [дж]игит, [дж]емпер, Ме[дж]ид, [дз]от, [дж]апаридз[е] и др.; 10) наличием в фонетической системе диалектов адыгейского языка (бжедугском, шапсугском, а также в кабардинском) придыхательных согласных объясняется произношение русских глухих согласных с усиленным придыханием: п[h]арад, к[h]ак, т[h]ак, т[h]ебе и др.; 10) к коммуникативно незначимым отклонениям от русской орфоэпии в РРА необходимо отнести «орфографическое» произношение сочетаний -ого, -его в окончаниях прилагательных, порядковых числительных и притяжательных местоимений с заменой взрывного [г] фрикативным [y]: бэлоуо, синеуо, пэрвоуо, пьятоуо, нашеуо, тфэеуо вместо [б'эльвь], [с'ин'эвь], [п'эрвьвь], [п'атьвь], [нашьвь], [твьйиево] и т. д.

Социолингвистическая или собственно лингвистическая характеристика билингвизма должна основываться на многопризнаковости самого явления интерференции как социального или языкового феномена. Степень проявления интерференции в определенной степени зависит от следующих факторов: 1) функционального объема использования контактирующих языков в этносоциуме региона; 2) способом овладения двуязычием (контактного, неконтактного, комбинированного); 3) этнических условий функционирования адыгейского языка (макро и микросоциума районов и городов республики); 4) социальных условий функционирования двуязычия (билингвизм в городе и сельской местности, сфера

материального и духовного производства и т.д.); 5) демографической принадлежности билингва (возраст, пол, образование и т.д.).

1. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагина. Москва: Изд-во МГУ, 1973. С. 22-23.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685с.: ил. ISBN 5-85270-031-2
3. Багиров Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): Монография / Х. З. Багиров. Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. 316с.
4. Убайдулаев Р. У. К вопросу о фонетической интерференции / Р. У. Убайдулаев // Русский язык и литература в таджикской школе. 1971. №4. С. 3-12.
5. Блягоз З. У. Адыгейско-русское двуязычие: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / З. У. Блягоз. Киев. 1980. С. 52.
6. Шейнина Е. П. Работа над диалектными ошибками в речи учащихся / Е. П. Шейнина // Рус. яз. в школе. 1963, №4. С. 26-28.
7. Аутлев К. Д. Артикуляционная характеристика гласных адыгейского языка (рентгенологическое исследование) // К. Д. Аутлев. Майкоп, 1974. С. 229-238.

Заварзина Г.А.

Терминология рынка в сфере современного российского государственного управления

*Воронежский государственный педагогический университет
(Россия, Воронеж)*

doi 10.18411/gq-31-03-2021-56

idsp sciencerussia-31-03-2021-56

Аннотация

В статье представлена типология экономических терминологических номинаций, активно функционирующих в сфере современного российского государственного управления. В терминологии рынка выделены и охарактеризованы два лексико-семантических разряда: наименования явлений и понятий, отражающие особенности нового государственного управления в экономике, а также наименования рыночных (экономических) явлений и понятий, характеризующих особенности системы нового государственного управления России. Отмеченное явление обусловлено активным использованием рыночных методов и принципов в построении модели нового управленческого аппарата в Российском государстве.

Ключевые слова: рыночные номинации, терминология, экономоцентричность, государственное управление, атрибутивные характеристики, предикативные характеристики.

Abstract

The article presents a typology of economic terminological categories that are actively functioning in the field of modern Russian public administration. In the terminology of the market is isolated and characterized two lexical-semantic category: names of phenomena and concepts, reflecting the characteristics of the new public management in the economy, as well as the names of the market (economic) phenomena, and concepts describing the features of the new public management in Russia. This phenomenon is due to the active use of market methods and principles in building a model of a new administrative apparatus in the Russian state.

Keywords: market nominations, economocentricity, public administration, attributive characteristics, predicative characteristics.